

Хаксан ВИРАСУТИСНА

РАССКАЗ

Вечернее солнце склоняется к западу. Слабые лучи его, нерешительно пробиваясь сквозь горные расщелины, устало падают на широко раскинувшиеся рисовые поля. Тут и там раздается стрекот цикад, радостно встречающих приближение ночи. На окраине деревни, утопающей в бамбуковых зарослях, разносится громкий лай собак.

У самой земляной насыпи, огораживающей заливное поле, разбухшее от дождя, сидит дядюшка Ламсиджан. Он уже давно сидит здесь, погруженный в свои думы, вспоминая прошлое — то счастливое время, когда он со всей семьей спокойно жил в своей родной деревне на склоне горы Сангкар...

Неожиданно до него донесся голос дочери.

— Папа, папа! — кричала она. — Скорей иди домой! Из кухни уже принесли вареный рис.

Ачих — девчурка лет четырех — с сияющим лицом бежала навстречу отцу. Быстро-быстро перебирая своими тоненькими короткими ножками, она спускалась с пригорка к рисовому полю. Ее смуглое личико казалось золотистым на фоне платья, розового, как плод джамбу. Дочь бедного крестьянина, она была красива, как принцесса.

Дядюшка Ламсиджан поднялся со своего ме-

ста. Его печальное, озабоченное лицо сразу просияло — так светлеет небо, когда свежий западный ветер уносит прочь тяжелые тучи. Глаза его радостно заблестели, на губах заиграла улыбка. Он протянул руки навстречу своей любимой дочурке. Подбежав к отцу, она запрыгала от радости и с веселым смехом обхватила обеими руками его ногу.

Дядюшка Ламсиджан тотчас же забыл о всех своих горестях и страданиях. Он обнял и нежно расцеловал девочку. Ведь маленькая прелестная Ачих была для него самым дорогим существом на всем белом свете!

Его старший сын Асмаун вступил в сторожевую дружину. Это был добросовестный и исполнительный юноша. Каждый месяц он получал из сельской казны двадцать рупий за то, что нес охрану... Но от судьбы не уйдешь. Как-то раз, в темную дождливую ночь, когда Асмаун обходил дозором окраину деревни, на него напали бандиты¹ и куда-то уволокли. Вот уже четыре месяца, как от него ни слуху, ни духу. То ли его зарезали, то ли застрелили — разве узнаешь...

¹ Речь идет о бандах «Дар-уль-ислам». (Прим. переводчика.)

Его вторая дочь, Сартиджах, тоже погибла. Она умерла от голода, когда была в эвакуации в Чиханджуаре, что у подножия голой, безжизненной горы Турундул. Два месяца спустя сошла в могилу жена его Амбу — не под силу ей были бесконечные страдания.

Их жилище в деревне Читамианг — дом, который перешел к дядюшке Ламсиджану по наследству от предков, — подожгли в декабре бандиты, и от него даже следов не осталось. Деревня, в которой он родился, завел семью, прожил всю жизнь и хотел бы быть похороненным после смерти, теперь, говорят, превратилась в джунгли и вся сплошь заросла высокими травами.

Его небольшое рисовое поле — тоже доставшееся ему в наследство от предков — теперь уже никто не обрабатывал. Огородик у подножия холма, в свое время служивший источником пропитания для всей семьи, вот уже несколько месяцев был совсем заброшен. Весь этот район находился теперь в руках бандитов, и никто даже не осмеливался показаться там, не то что бы поселиться!

Да, тяжело пришлось дядюшке Ламсиджану... Он перебрался туда, где власть удерживала армия. Да и не он один, а все жители его деревни бежали туда же в поисках тихого, спокойного места, чтобы немного оправиться от мучений и страданий, которые выпали на их долю. Его поселили в «доме» — маленькой хижине с крохотным окошечком да бамбуковой скамьей вместо кровати. Три раза в день ему выдавали паек из общественной кухни — вареный рис, аккуратно завернутый в свежий банановый лист.

Никакой работы не было. Денег взять тоже было неоткуда. С утра и до самого вечера он сидел, подперев рукой подбородок, не зная, за что взяться. Иногда он отвлекался ненадолго от своих печальных мыслей, наводя чистоту в хижине или подметая дворик.

Заняться торговлей он не мог — не было капитала. Начать огородничать он тоже не мог — не было земли. Единственным его утешением была Ачих, младшая дочка. Она была как светлое пятно во мраке его горькой жизни. Только она согревала душу Ламсиджана своим веселым смехом, звучавшим в его ушах, как нежная мелодия.

Так и жил он, безучастно передвигаясь, словно часовая стрелка, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц.

* * *

Как-то раз на площади, неподалеку от его хижины, началась суматоха. Солдаты то и дело забегали в казарму, выносили оттуда вещи, упа-

ковывали их и готовились к отъезду. Пять больших грузовиков уже стояли наготове. В кузова укладывали различные боеприпасы и всевозможные предметы домашнего обихода, там же размещались и люди. Дядюшка Ламсиджан спросил у сельского писаря, почему все солдаты уезжают.

— У нас в деревне уже спокойно, — ответил писарь, — значит, охрана теперь не нужна. А они получили новое назначение — туда, где до сих пор еще неблагоприятно... Говорят, в Чиави.

Дядюшка Ламсиджан был простым крестьянином. Он родился и вырос в деревне. Плуг, мотыга, козы — вот и все, что он знал с детства. Но ему стало не по себе, когда он увидел, как вереница военных грузовиков свернула в сторону у лавочки бабки Эсах и скрылась в клубах пыли.

Прошла неделя, другая, третья — в деревне было спокойно. Ничто не нарушало мира и тишины. Но вдруг ночью в пятницу со стороны рисовых полей, далеко позади хижины Ламсиджана, раздался выстрел. Потом еще и еще. Застрочил пулемет, сея смерть и горе.

В деревне началась паника. Люди забегали кто куда, не разбирая дороги. В домах тотчас же потушили все огни. Женщины и дети, разбуженные шумом, застонали, заплакали, закричали от страха, и от этого шума стало еще больше.

— Тревога! Враг напал! Скорее спасайтесь, скорее! — кричали со всех сторон.

Поняв, какая опасность угрожает ему и дочери, дядюшка Ламсиджан тотчас же разбудил девочку. Взяв ее на руки, он быстро выбежал с ней на улицу, в кромешную тьму. Ачих кричала от страха — она боялась темноты, и ее пугал

пулемет, продолжавший строчить, изрыгая смерть и опустошение.

Дядюшка Ламсиджан совсем растерялся. Сначала он бросился бежать на западную окраину деревни. Потом, убедившись, что там стреляют, повернул на восток. В это мгновение он услышал, как что-то со свистом пронеслось над его головой. Он пригнулся к земле, и тотчас же раздался крик Ачих. Резкий, пронзительный крик — и снова тишина. Ламсиджан быстро спрятался под деревом капас, за домом сельского писаря. Там было совсем темно, и никто из врагов не смог бы его увидеть.

— А теперь, доченька, слезай, а то я устал, — ласково сказал он. — И не надо плакать! — Бережно он опустил на землю свою любимую дочурку. Но что это такое? По плечу девочки струилась горячая жидкость. Он провел рукой по коже. Вода это? Или пот? Но жидкость была густая, с терпким запахом. Неужели кровь?

У Ламсиджана упало сердце, когда он вдруг почувствовал, что Ачих стала совсем холодной. Он начал ощупывать голову девочки, и пальцы

его погрузились в горячую струю. В это время загорелся дом сельского старосты. Полыхающие языки пламени ярко осветили все вокруг. И тогда Ламсиджан понял, что он лишился своего единственного сокровища. Пуля пробила затылок его дочери.

Заплакал ли дядюшка Ламсиджан? Нет, плакать он не мог. Широко раскрыв глаза, не мигая, он быстро и тяжело задышал, судорожно глотая воздух. Губы его беззвучно шевелились. Но глаза у него были сухие, совсем сухие, словно он уже не мог проронить ни одной слезинки — до того глубока была его печаль.

Когда взошло солнце, бандитов уже и след простыл. Семь домов сгорело дотла. Две беременные женщины были убиты шальными пулями. Жители деревни, бледные и измученные, стали постепенно выходить из укрытий, куда они попрятались ночью.

Дядюшку Ламсиджана нашли под деревом капас. Он сидел, тихо напевая что-то, укачивая холодный, окоченевший труп девочки.

С тех пор люди часто видят, как Ламсиджан разговаривает сам с собой, поет или танцует на проезжей дороге, на рынке или под развесистым деревом берингин на краю площади...

Перевел с индонезийского В. Островский

Малайские пословицы

Есть сахар, будут и муравьи.

Тому, кто сажает кокосовую пальму, иной раз орехи не достаются.

Не ругайся на реке — крокодилы рассердятся.

Посеешь сорняк, рис не вырастет.

От собачьего лая холм не обрушится.

Не учи тигренка есть мясо.

Сила птицы — в крыльях, сила краба — в клешнях.

Черпаха кладет тысячи яиц, и никто не знает; курица кладет одно — шуму на всю округу.

Как ни гладь собачий хвост, все равно он ровным не станет.

